

В защиту науки о Философском Решении

Франсуа Ларюэль

В защиту науки о Философском Решении

Франсуа Ларюэль — Université Paris-Nanterre, Paris, France;
email: francois.laruelle@free.fr

пер. с фр. Сквородко Александра¹

Ключевые слова: Философское Решение, не-философия, Франсуа Ларюэль, Реальное, проблема доступа

В статье рассматривается способ, которым философия старается обойтись с наукой, кооптируя ее, обозначая ли в качестве собственной завершенности и сливаясь с последней: Философское Решение. Под Философским Решением Ларюэль понимает некий абсолютный конструктивный принцип, который остается неизменным в любых его (исторических и квазитрансцендентальных) модуляциях. В соответствии с этим Ларюэль выделяет четыре формы философских практик, две из которых предают забвению имманентность науки философии: это (1) редукция философии к ее истории и (2) критика метафизики в любом из ее вариантов (и её редукция, таким образом, к позитивной — в смысле достоверности — философии); и еще две практики, утверждающие *visé versa* имманентность науки «философскому решению»: 1) развертку философских идей с помощью ограниченного ввода научных операций (математических, химических, etc); 2) полагание науки как развертки чистой (но философской же) идеи, бесконечного *telos*. Предложение, ко-

¹ Перевод с французского Сквородко Александра по изданию: © Pour une science de la décision philosophique // Le Cahier (Collège international de philosophie). No. 4 (novembre 1987).

торое выдвигает Ларюэль в пику этой неудовлетворительной схеме, заключается в приостановке бесперебойной работы такого решения. Необходимо, считает Ларюэль, «поместить философию в школу науки, <...> чтобы философия дала себя через нее помыслить» (не отказываясь при этом от закономерного желания быть строгой наукой). Под «школой науки» подразумевается такой способ обхождения с Реальным-Одним, где это последнее постулируется наукой аксиоматически и не требует своего обоснования философией, но тогда как сама наука может быть помыслена в качестве допускающей Философское Решение как один из своих объектов. Необходимо разрушить, по мысли Ларюэля, рекурсивность Философского Решения его приостановкой, — не моделируя новое решение, как это происходит в философской самокритике — именно этому и посвящена наука о Философском Решении.

О философии как Другом науки

[Необходимо] впустить философию в науку, а не науку — в философию. Вторая задача возникает вместе с самой философией, которая занята ее выполнением. Быть наукой, быть с наукой одним — это *телос*, изначально заложенный в философское Решение. Нет метафизики, которая не претендовала бы на статус науки о Бытии или о Логосе, высшей формы всякого знания, которое она доводит до совершенства и делает соответствующим его сущности. Но об этом более не может идти речи, когда возникает философия. С одной стороны, самореализация философии в качестве науки предполагает, что она выступает (*manifeste*) с собственным понятием науки, что таким образом она модифицирует эмпирическое понимание научности, предписывает наукам определенный идеал подтверждения (*validation*) и обоснования знания, и что так она обесценивает и критикует значение и суть существующих наук. Это предприятие по критике и присвоению наук философией зовется их интерпретацией или их онтологическим обоснованием (когда науки являются более слабым или недостаточным модусом онтологического проекта объективности или *Идеи* науки), или их эпистемологической интерпретацией (когда имеется некий научный *факт*, который философия себе переприсваивает). С другой стороны, наука остается предметом бесконечных мечтаний, невозможной мечты, постоянно воскрешаемой, но чье исполнение до бесконечности откладывается. Философия не является наукой, поскольку она хочет — сущностное желание — быть с нею одним: в философии желание преобладает над научностью. Потому ей суждено ограничиться научной «формой», «становлением»-наукой, своим бесконечным телосом и т. д. Еще до Гуссерля это носило имя философии-как-(строгой) науки.

Но возможен и другой проект. Философское Решение, предположенное существующим, с его естественным желанием быть строгим знанием, еще возможно укоренить... в опы-

те науки, при том минимальном условии, что будет допущена автономность и независимость науки по отношению к философскому Решению; поместить философию в школу науки, не чтобы подтолкнуть философию к более качественному осмыслению этой последней и чтобы она у нее чему-то поучилась (в обучении эпистемологии), но чтобы философия дала себя через нее помыслить. Вероятно, можно выделить два источника или две парадигмы знания. Философскому Решению и историчности его способов феноменализации реального принадлежит бесконечный идеал науки: но только в качестве одного из его главных *атрибутов*, а не как сама сущность Решения. Философия верит, что ее способ феноменализации реального универсален. Но что, если это не так, и что, если перед нами иллюзия и наивность, свойственные любому Решению такого типа? Быть может, наука — это радикально иной способ феноменализации, более примитивный (*primitif*) и допускающий существование философского Решения в качестве одного из своих объектов?

Отказаться от идеала строгого — с точки зрения его обоснования и его подтверждения — философского знания кажется в любом случае невозможным. Но располагает ли философия средствами, обладает ли она силой и реальностью, необходимыми, чтобы допустить такой идеал? Вполне возможно, что высшая максима и полное согласие состоят как раз в этом: в знании, обоснованном и подтвержденном (*validé*). Но его смысл все еще скрыт. Все мы в поисках строгой философской практики: но насколько всеобщим характером обладает этот *телос*, насколько он точен? Еще точнее, не полагаются ли все еще слишком часто его всеобщность и точность совместно с философским Решением (как если бы это само собой разумелось) и с его помощью? Не оказались ли они вновь включенными в философский круг — как тот учреждают историзм, герменевтика и, пусть и в меньшей мере, деконструкция?

Я выдвину предположение, что научное постулирование может совершенно не сводиться к его философским формам и модусам — позволяя себе на время отложить демонстрацию

того, как этот тезис получает обоснование в науке; что существуют универсальность и определенность (*certitude*), свойственные именно науке, что их нельзя смешивать со старой *certitudo* метафизики, и что эта последняя может только отрицать науку, приписывая определенность себе. Поиск строгого и точного знания о философии, возможно, не сводится к нужде, желанию или терапевтической заботе философии о себе, а потому, быть может, он для нее неприемлем (*n'est donc peut-être pas assumable par elle*). Если наука «как таковая» не является видом философского Решения — например, онтологическим проектом, — то тогда возможна не-философская наука о философском Решении, которая отныне не будет дополнительным модусом его квази-«научной» самореализации.

Реформ, программ, революций, направленных на науку, в философии почти столько же, сколько и систем. Но все эти проекты постулируют заключение научного в сущность философского и оставляют за философией, с теми или иными налагаемыми ограничениями, управление этой историей и этой политикой «становления наукой». [Это происходит] даже тогда — а может, прежде всего в этот самый момент, причем, в определенном отношении, даже более коварным образом, чем в случае «великого» рационализма, — когда позитивизм (логический или социологический) намеревается преодолеть идеал философского само-узаконивания и подчинить философию наукам, которые в данном случае понимаются как *позитивные*. В общем, позитивистская критика философии является неподлинной научной критикой и подлинной философской самокритикой — еще одной ее системой.

Напомним, существует множество образов этого Идеала философии как науки или науки как философии; самыми важными будут следующие (здесь это простые тенденции, отмечающие некоторые разновидности):

1. Две формы, которые предают забвению имманентный научный телос философии как «абсолютной науки». Эти две формы преобладают в нынешней конъюнктуре:

а) критика философии, рассматривающая ее с точки зрения истории, ее редукция к «Истории философии», являющаяся не только отлаженной (*codée*) университетской практикой, но и предпосылкой для большинства около-университетских практик. Эта предпосылка (редукция философского Решения к его текстам, к его корпусу, к его институциям, к его политико-текстуальному «бессознательному» и т. д.) понимается нами как одна из *возможностей* (но предельная) для философского Решения, вовсе не как его случайный (*extérieure*) «упадок»;

б) логико-эмпирическая критика метафизики: анти-историческая и не допускающая делений (*atomistique*) вообще или по преимуществу (поскольку сегодня она постепенно начинает ставить себя же под вопрос). Здесь все еще тот же тип предпосылки — редукция философского Решения к инертному, с «онтологической» точки зрения, множеству. Теперь это уже не то, что имеет отношение к тексту или является означающим, но то, что дается как факт (*donné factual*) и считает себя независимым от логических форм или фактов. Вероятно, именно здесь философское Решение как таковое способно к отрицанию себя в наиболее отчуждающей форме подмены науки — понятой в качестве *позитивной* — философией.

Так как первая из этих форм все еще широко распространена в континентальной философии, то именно она будет рассмотрена наиболее тщательно.

2. Две формы, которые утверждают, что научный *телос* имманентен философскому Решению:

а) ограниченное введение процедур (логических, геометрических, химических и т. д.) демонстрации и научного «эмпирического» подтверждения. Результатом будет знание, которое понимает себя в качестве смеси (*mixte*) и хочет быть таковой и которое утверждает, например, в классической «догматической» манере и полностью в ее стиле, со-протяженность (*co-extension*) — с несколькими небольшими нюансами, но покрывая обе стороны полностью — науки и метафизики;

б) само-развертывание научного *телоса* философии как Идеи,

самой чистой и лучше остальных освобожденной от любого объекта или научного регионального или мирского знания (Гуссерль): та же предпосылка что и ранее, но лучше *очищенная*.

Если отвергать, в качестве неудовлетворительной для поставленной задачи, эту предпосылку, которая служит основанием философии — (абсолютную) со-протяженность философии и науки — и если мы намереваемся сохранить философское Решение в целостности и сохранности, не обесценивая его через эмпирическую и позитивистскую критику, заимствованную у существующих наук, остается лишь один выход: сместить философию как само-узаконивание, но перенести ее в другое место; должна существовать абсолютная трансцендентальная, а не эмпирическая наука, которая стала бы наукой (от) науки. Наука подпадает не под эпистемологию или онтологию, но «под» саму себя. *Наука (от) науки* не обязательно является позитивистским проектом, но при том минимальном условии, что будет возможность «примирить» науку и трансцендентальную функцию внутри науки (для) реального как такового, в «абсолютной Науке». Потому эта трансцендентальная наука обязательно будет также наукой о или для философии.

Так граница между наукой и философией перестанет быть неопределенной, неустойчивой и обратимой. Она остается неопределенной, пока ее проводит философия, ибо эта последняя включает в свою сущность недо-детерминацию (*sousdétermination*), которую она компенсирует сверх-детерминацией, игрой процесса, истории, становления и т. д. В этом случае граница всегда понимается и задеируется в двух обратимых смыслах под разнообразными пропозициями: в этом вся история философии как попыток основать смеси науки и философии. Если, напротив, мы сможем определить в науке мышление, которое будет реальным=абсолютным в силу самого себя, мышление *index sui*, которому нет нужды быть мышлением во внеположности какого-либо Решения вообще и, например, в «онтологическом Различии», тогда мы окажемся у правильного отправного пункта, у полюса, по отношению к которому философское

Решение должно располагаться унилатерально. Это означает, что мы предлагаем перестать мыслить в функции или в согласии с законом смесей и провести необратимое разделение, понимая его следующим образом: теперь не Наука — это Другой для философии, но философия — это Другой для Науки, «специфическое отличие» которой начинает поддаваться определению.

2. Недомогание в философии?

Можно ли и дальше объяснять необходимость науки о философском Решении присущими тому недостатками?

Недуги, философия всегда их выказывала: не только те, которые она в абсолютистской манере самостоятельно показывала на собственном теле, одним своим существованием, топящим критику в само-критике. Поэтому, вероятно, бесполезно ссылаться на них, чтобы обосновать необходимость перехода к научной форме, способной избавить философию от присущей ей неудовлетворенности. И все же этот перечень здесь нужен как раз в силу того, что философия, возможно, лишь частично показала эти болезни, отрицая их самым жестоким жестом показа. Возможно, они лучше видны именно сегодня, когда философия особенно внимательна к себе самой.

Поясним. Соблазнительно обосновать необходимость проекта науки о философии тем, что в своем *нынешнем* состоянии философия доживает свой век или бесплодна, чтобы затем противопоставить ее грядущей философии, более активной, более плодотворной, менее отдаленной от «реальности» и т. д. Подобные симптомы и такая неудовлетворенность заявляли о себе столько, сколько существовала философия, в переходе, так сказать, от какой-нибудь одной философии к другой. Желая быть универсальной, она также желала бы обладать и своим универсальным недугом, допуская, чтобы он представлял каждый раз под разнообразными историческими условиями. И если этот аффект является для Решения врожденным, то воздержимся

вычленять его и сетовать на современную философию, противопоставляя ее той, которая была или будет. Таким образом, мы обязаны обособить нашу критику и повысить ее уровень и ее требования. Необходимо глубже проникнуть в самую *сущность* Решения, чтобы однажды получить право, если не обязанность, на него жаловаться. Вообще, мы не можем «критиковать» философское Решение, ссылаясь на его недостатки — это означало бы продолжить его «негативно». Еще только предстоит опознать причину этих недугов, которую, скорее всего, удастся увидеть только из точки, которая не будет философской. Таким образом, мы не станем уделять слишком много внимания важности этого перечня причин, по которым следовало бы практиковать философию иначе. Но идет ли речь о том, чтобы занять к ним позицию безразличия? Наоборот, эти причины надо сделать *абсолютными*.

На самом деле, поскольку эти недуги принадлежат самой сущности Решения, мы можем на них жаловаться — под угрозой умножить их число, — лишь отталкиваясь от науки, а не от философии. Это то, что позволяет придать им полноту смысла, и как раз здесь заявляет о себе беспрецедентность современного положения мысли: сегодняшняя философия, особенно в той или иной степени после Ницше, руководствуется потребностью в своем пере-утверждении или своем усилении. Вовсе не верится, что это пере-утверждение философского Решения не так наивно, как первое утверждение, и что его достаточно, чтобы избавиться от изначального недомогания. В некотором смысле пере-утверждение отличается даже большей наивностью, чем поддержанное им утверждение, которое оно продлевает, не разрушая его по-настоящему. Философская наивность и спонтанность просто становятся зримыми или проявленными, совершенно от этого не исчезая. Так, парусия философской и до-научной наивности не устраняет эту последнюю по-настоящему и тем более не подчиняет ее науке: идеал парусии принадлежит самой философской наивности как ее последний плод. Философию вовсе не оставляют, никто не

возвышается над метафизикой, раз они утверждаются заново: мы только стали лучше видеть то, как они функционируют. Это добавление крайней чувствительности, философского патоса, именно оно отмечает нашу конъектуру, позволяя, в лучшем случае, «облегчить» недомогание, но не более. Даже История философии, которая, являясь сегодня преобладающей практикой рационального анализа философии, порождает наиболее серьезный недуг, а вместе с ней и прочие множественные формы этого анализа — все они обоснованно являются позитивными возможностями для Решения, возможностями, которые служат его самоотрицанию или, скорее, его истощению, программой его квази-устранения. Нам стоит поместить себя туда, где философское Решение проявляется как таковое в своей спонтанности и в своих наиболее отточенных формах. Там мы избежим слишком поспешных или оппортунистских объяснений, замыкающихся в симптоме (*qui s'enferment dans le symptôme*).

3. Философская объективная Видимость²

Из сказанного выше следует, что аффекты, близкие философскому Решению *как таковому*, — это аффекты повторения. Во всех смыслах этого слова: повторение тождественного (*l'identique*), но также и повторение различия или «того же» («*même*»). Аффекты «того же» «преобладают» над аффектами тождественного, которые ими пере-утверждаются без изменения их сути. Если мы, например, говорим о тошноте, сопровождающей философскую практику, то нужно понимать, что этот аффект имеет отношение ко всем практикам, как к наиболее зависимым от тождества, так и к сделавшим ставку на различие (*des plus identificatrices aux plus différenciées*); все они сводятся к желанию «первичного» Тождества, универсальной эквивалентности, которая интегри-

² «L'Apparence philosophique objective», «Философская объективная видимость» здесь отсылает к учению К. Маркса о превращенных формах. См. «Капитал», том 1 и 3: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, 25; а также «Теории прибавочной стоимости» и Приложение к ним: К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., изд. 2, т. 26, ч. 3.

рвала бы инаковость, не способную реально разрушить эту эквивалентность. Потому отнесемся внимательно к разнородности, но также и к общему смыслу — для нас решающему — категориям *тошноты*, *рутины* (*ressassement*), *бесплодия* и т. д., с помощью которых нами будет описан аффект, принципиальный для философского Решения вообще, каким бы «утвердительным» оно не было.

1. Философское решение — это операция-трансцендирование (*opération (de) transcendence*), по-разному анти-эмпирическая, но которой всегда суждено закончить онтологической позицией или онтологической открытостью (*ouverture*), не важно, в каком ее модусе. Это игра позиций: позиций не просто ограниченное число (хотя они и способны варьироваться); помимо того, *позициональность* философии, ее природа как игра позиций закрывает виртуальную бесконечность вариантов в конечности (*finitude*) одной структуры или одного круга. Отсюда ее способность к повторению, являющемуся скорее ее сущностью, нежели изъяном, который технические коррективы или новые процедуры могли бы компенсировать с целью большей эффективности и меньшей бесплодности. Обвинение в бесплодии, в рутине, в топтании на месте должно следовать за признанием повторения в качестве сущности Решения, а не предшествовать ему; следовательно, такое признание не будет сводить повторение к историко-систематическому происшествию, в котором повинны «некоторые» философы.

2. Следовательно, философская практика отмечена одновременно — и это не противоречие, когда мы располагаем структурой Решения: а) воспроизводством конечного и постоянного резерва аутентичных данных. Аутентичных, если заключить в скобки *переполнение*, которое является сущностью обыденной философской практики, и которое служит только одной цели — извлечению выгоды из власти над тем, что произведено в социальном поле, и, если в отдельности рассматривать пороги эмерджентности — сами по себе размытые — «новыми» философами; и б) падением прибыли: достигающая своего пре-

дела эксплуатация конечного числа возможностей, которые с самого начала были включены в философское Решение, равна прогрессирующему истощению запаса и сокращению «новизны» (которая в таком случае является только возможностью или пока еще не развернувшейся виртуальностью).

3. Комбинация этих двух характеристик объясняет то, что я назову само-торможением (*l'auto-inhibition*) или само-приостановкой (*l'auto-paralysie*) философского Решения; есть ощущение, что оно всегда работало только внутри себя и на себя же, расширяя свой круг, чтобы лучше его сохранять; заставляя его едва ли не взрываться, но с целью лучше его переутвердить. Философское Решение — это забота о самости, которая пребывает в себе, даже если питает интерес к Другому; она довольствуется самой собой тогда, когда предается трансверсальности; или все-таки предполагается неустранимой, когда ее разламывает или расшатывает Другой. Отсюда постоянное само-погребение в своих текстах, своих произведениях, своих архивах и своей истории, своих учреждениях, в бессознательном, которое оно выделяет (*secrète*) или *в качестве чего Решение воспроизводится*.

За философской практикой, как наиболее близкой к университету, так и самой отдаленной от него, как в тех [ее] формах, которые больше остальных принадлежат истории, так и в наиболее активных и находящихся в разработке, тянется, также одновременно *предшествуя* [ей], необъятная, подбадривающая и бдительная тень от историко-систематического тела, которая является бессознательным этой практики, так сказать, Философией-собственнолично. Подумаем, в какой мере это тело могло бы соответствовать своего рода *капиталу* философии? Его бы производили философы, все более одержимые из-за него и погружаемые в слепоту, грезящие о нем как о том начале, где заключены их жизнь, бытие и движение, и производящие прибавочную стоимость мышления, присваиваемую капиталом, который в это время использовал бы свои ресурсы, чтобы склонить их к работе на себя. Так это или нет, едва

ли существует такая философская практика, особенно континентальная, но не только, которую не сопровождал бы фантазм о философии, уже состоявшейся, непредвзятой и принимающей на себя роль опекуна — вот *воображаемое основание философского сообщества*. Этот фантазм соответствует если не двигателю, то, по крайней мере, движущей, но самой по себе всегда неподвижной силе практики. Здесь скапливается знание, здесь находится жернов (*un volant*) решения, накопление которого кажется философскому Решению необходимым: во всяком случае, его собственному воспроизводству, но также — и это, возможно, пик отчуждения — его производству.

Это отдаление горизонта, который застигается по мере обеспечения им простирания Решения, не является случайным: даже если этот его аспект — все менее и менее поддающийся соизмерению — характеризует нашу конъектуру и даже стоит на повестке дня, он принадлежит сущности или стремлению философии как таковой (*la philosophie*). Мы назовем это *Философской объективной видимостью*, условием манифестации знания, которое подает себя как необходимое и в таком качестве *усваивается* рабочими мышления, считающими, что им необходимо основать на нем свое сообщество. Она — это сила скрытого одурманивания философов философией, средство поставить их ей на службу, обречь их на вопрошание о ней, привести их к самой наивной и спонтанной практике...

Королларий: аффект «смерти философии» вполне реален, он прожит конкретными философами, по крайней мере, как субъектами философии, но он не дает полную картину. Это только одна из двух сторон более комплексного аффекта, аффекта само-торможения или само-приостановки. Вместо того чтобы понять, что любое дополнительное открытие образует систему с простаиванием Решения, систему, смещающуюся в сторону относительно-абсолютной границы, и внутренней, и внешней для Решения; вместо того чтобы понять, что философия ни от чего не освобождает, что она не освобождает от себя без того, чтобы не дать себя же, но в том смысле, что она приносит все

меньше по мере того, как она все больше дает себя же и только; вместо того чтобы *ухватить философский баланс*, его наиболее негативную операцию, его суицидальный характер (волюнтаристский и/или неволюнтаристский) изолируют или абстрагируют. Суицид философии, конечно, в действительности имеет место, но на протяжении всей истории [философии], и никогда не стоит продавать шкуру философии, пока последняя самостоятельно себя не набьет. Любому Решению принадлежит возможность невозможности философствовать. Вместе с тем, не стоит отделять Решение от возможности мыслить, которая по-супружески его оживляет, даже если эта совместная жизнь часто является адом.

4. Сочетание конечности философского круга, его циркуляции и его неограниченного смещения *внутри* относительно-абсолютной границы, обозначает постоянную конфликтность. Природа философского Решения заключается в войне, войне как его сущности. Любая философская *позиция* является также виртуальной борьбой с другой позицией. Пространство позиционной игры рассеяно (*rare*)³ и налагает препятствие-при-переходе (*l'entre-empêchement*) [с одной на другую], взаимные притяжение и отталкивание. И оно потому рассеяно, что если у философского Решения и имеется некоторое структурное правило, то это *правило Единства противоположностей*, Соединения противопоставленных, какими бы способами ни задействовало это «трансцендентальное Единство». Единство этого

³ Французское *rare* (букв. — редкий) здесь использовано в том же смысле, в каком используется слово «редкий» во фразе «редкий дождь», подчеркивая его низкую интенсивность или его ненасыщенность, слабость. Применительно к пространственному измерению таким смыслом может обладать фраза «редкие фонари» (встречающиеся на улицах). Здесь имеется в виду не столько их малочисленность, сколько их разнесенность, рассеянность или разгруппированность в общем пространстве (улиц), их нахождение на слишком большом расстоянии друг от друга. Пространство Философского Решения не просто рассеяно в смысле *существования* внутри него множества позиций, оно рассеяно в смысле невозможности их сосуществования (гражданская война, как говорится ниже), поскольку ни одна из позиций не подпускает к себе другую. Разве только для того, чтобы её себе подчинить, в противном случае её попросту от себя отталкивая. — *Прим. пер.*

типа, которому остается только синтезировать различное (*Бытие и Ничто*, например) и которое должно быть поделено между противоположностями, оставаясь полностью неделимым, по определению является рассеянным и находится во власти гражданской войны. История философии, вернее, *объективная философская Видимость*, функционирует и как системное измерение любого решения, выбирающего в нем свою игру позиций, и как синтагматическое или «историческое» измерение этого принципа, позволяющего организовать такой-то философский дискурс. Пришло время, наконец, связать вместе повторение, само-торможение, конфликтность — и историчность...

4. Наиболее наглядный симптом: История философии как доминирующая сегодня практика

Последний и самый проявленный симптом кризиса, связанный со спонтанной и наивной, «инстинктивной» практикой философии — это растущая власть Истории философии (ИФ), ставшей доминирующей практикой у философов.

Мы не будем обращаться к критике ИФ как университетской практики, что было сделано в другом месте⁴. Нужно ограничить эту критику, признавая, что ИФ — это одна из *возможностей*, включенных в философское Решение, чья историчность по праву всегда может — согласно проанализированному выше механизму, запускающему *философскую объективную Видимость* — сделать себя своим собственным предметом (*se réifie*). ИФ в этом смысле является скорее таким моментом, когда недуг схвачен или «замер» («*se fige*») в особо тяжелом симптоме. Есть все же — по той же причине — какая-то беспечность в этой критике, которая намеревается разъединить и противопоставить друг другу философское Решение и его нынешнюю практику в университетах. [Приводимые при этом] аргументы носят неполный характер, поскольку [данная критика] не

4 См. «Les Crimes de l'Histoire de la Philosophie», Cahiers «Pourquoi pas la philosophie», No.2.

признает склонность философии к своему накоплению в объективной и устойчивой Видимости. И она также демонстрирует определенную пагубную доверчивость. Отсоединение «хорошей» историчности от «плохой» Истории философии приносит — временно — некоторые выгоды:

1. Оно скрывает под собой ничем не рискующий перенос ИФ, подправленной и улучшенной, в другие институции. Ее маргинализация не является ее упразднением, она, скорее, сохраняет наиболее существенное от философской спонтанности и наивности. Можно подстраивать и порой гримировать ИФ марксистскими практиками, археологическими, деконструктивистскими и т. д., и таким образом, несомненно, могут быть модифицированы и «разработаны» новые значения историчности и истории, но эти практики сохранены как главная точка зрения на философское Решение. Так только лучше сохраняется главное в его стремлении к само-применению и само-узакониванию (отсроченным на большой или меньший срок), которые являются идеалами его наивной практики.

2. Оно позволяет не задаваться вопросом о насилии, которое глубже университетского насилия и которое его питает, как и наоборот. Все «недостатки» университетских практик философии укоренены в самом Решении. Его-то и следовало бы поставить под вопрос, как минимум — его спонтанную форму. Но интерес к истории и, наконец, к объективной Видимости позволяет пренебречь научным рассмотрением Решения и его сущности. Ограничиваются тем, чтобы предоставить его самому себе или, в лучшем случае, феноменам инаковости, открытости, расшатывания и т. д., которые его подтачивают и подзадоривают его «игру», но с целью как можно крепче ухватиться за него в последний миг. Философии, больше философии, всегда! Сделать ее оружием против политики, против техники, против общества, против гуманитарных наук и т. д.... Как если бы продолжение болезни могло ее побороть...; как если бы разбить на части одну наивную практику не означало умножить эту наивность в сам момент ее ослабления.

3. Систематическое обращение к ИФ, под разными более или менее непрямыми формами позволяет без проволочек и без лишнего шума установить консенсус — если не сообщество. С одной стороны — как минимум благодаря кажущейся или предполагаемой фактичности существования ИФ. Но, на более глубоком уровне, мы столь сильно доверяем ИФ лишь потому, что она является полумерой, компромиссом между философской спонтанной Верой и подозрением, само-критикой, которые также имеют свое основание в философии. Эта полумера позволяет установить гармонию между противоположностями, ведущими гражданскую войну в сердце Решения, и ослабить само-разрушение философии, реализуя его в подконтрольных формах. Психологическая и аффективная значимость ИФ состоит в сущности и происхождении последней: она приносит успокоение, поскольку предоставляет с виду твердую почву, научное основание (как полагают), которое в данном случае путают со старой метафизической *certitudo*. История — псевдо-научное, слишком философское алиби, позволяющее не помнить о «научной» сущности философии. Вместо настоящей науки о философии мы поддерживаем интуитивное подозрение, которое философия питает по поводу своего собственного неприрученного (*sauvage*) использования, переводим (*relaie*) это подозрение в плохо понятый идеал науки, идеал достоверности и фактичности, в «современный» идеал, который гласит, что «все исторично» и подлежит суду истории. У всех этих практик только одна задача: угрожать философии ею же, чтобы лучше ее сохранить *in extremis*. Здесь всегда одна и та же логика, логика лицемера: История — это согласие против наиболее грубых форм философской войны, но это согласие в пользу войны, которая будет лучше контролироваться. История — это средство планировать, управлять, достигать, будучи на расстоянии и даже с помощью расстояния, разделять-чтобы-властвовать. Это примитивное философское насилие, продолженное иными средствами. В действительности философия находится под влиянием определенной «экономии»: обмена, долги, конфлик-

ты, целый рынок критиков и насилий, с тем или иным успехом замаскированных под мирные переговоры, которые являются лишь фальшивкой (*chiffons de papier*), текстуальными или языковыми играми. История — согласие таких дрызг. Даже локальные соглашения и договоры между философами скрепляют своей подписью доминирование, восстанавливают иерархии и существуют на основе паритета, необходимого, чтобы продолжать в том же духе. *Pax philosophica* — это приманка для слабых, не желающих знать о героической сущности философа. Преодолеть, превзойти: это не нечто привходящее, но суть западного мышления. «Философствовать значит доминировать» (Ницше): вот дорога в сообщество философов.

5. От философской Веры к научному Знанию

Таким образом, мы не занимаемся критикой одной только «актуальной» философии, мы критикуем чистую совесть (*la bonne conscience*), которая думает решить свои проблемы при помощи философии — порожденные на самом деле этой последней, — спасаясь в истории, вновь понятой по-философски: порочный круг... Куда более радикальным образом (и без оглядки на какую-либо актуальность) мы упрекаем современных философов не за то, что они увязли в истории: они делают то, что могут, и это нельзя ни исправить, ни реформировать. Мы клоним к тому, что они не ведают, что творят, и что они бросаются со всей страстью в *трансцендентальную иллюзию*, которая воздействует — больше не касаясь одной лишь «метафизики» или «репрезентации» — на философское Решение как таковое. Точно так же, как и их предшественники, они начинают с критики, которая, возможно, более строга, но которая заранее является предвзятой, все еще принадлежа тому же самому порядку, поскольку она является *смешением двух гетерогенных способов феноменализации реального*: философского, которое подразумевает Решение или Трансцендирование в качестве своей главной операции; и научного, которое исключает из своей

сущности подобное Решение или которое феноменализует реальное, сохраняя его в его «наивности», самой реалистичной и самой непосредственной, в его имманентности, совершенно лишенной даже минимальной внеположности. Смещение, за которым естественным образом следует еще одно: всякое знание окончательно сводится к историческому знанию, то есть к развертыванию трансцендентности.

Это унитарное смещение одушевляет философию как такую (*la philosophie*), а не только ее преобладающую в университетской среде практику. Отсюда эта убежденность, приводящая к спонтанной философской Вере, которую она продлевает, что чтобы получить науку о философии, нужно воспользоваться историей, как будто это не еще один порочный круг. Философская Вера суть то же самое, что и трансцендентальная иллюзия или отрицание науки; то же самое, что и эта убежденность, будто мыслить = реальное, философствовать = реальное, которую философы разнообразили, обогатили, сместили, подвергли альтерации, но так и не разрушили. Убежденность-в-себе-как-в-реальном или в чем-то, что сможет со-определять и со-производить реальное даже при его провозглашении. Вот бездонное основание философской Веры.

Тесная связь историчности, войны и повторения видна на механизме Решения и образует неделимое целое. В свою очередь, она должна быть связана с неприрученной, инстинктивной само-практикой философии. Если невозможно скептически членить философское Решение, разрезать его, разделять, выбирать — прибегая к дополнительному решению — как это делают по обыкновению философские критики, то тогда должно быть поставлено под сомнение само Решение, взятое глобально, Вера, которая подпитывает его спонтанную практику среди философов и даже, как мы это увидели, в Идеале философии-как-строгой-науки. Эту совокупность, куда входят Вера, структура Решения с его операцией по трансцендированию, спонтанная практика (философия философов) и, наконец, историчность, нужно заключить в скобки посредством не-фи-

лософской науки о философии.

То, что наука позволяет ликвидировать историчность, то есть простое тупиковое само-применение философии, еще не говорит ни о чем хорошем. Представим англо-саксонский стиль, в его стандартной форме или чаще встречающийся, образцом которого является случай логического позитивизма: он точно так же попытается заключить в скобки если не всю историю, то хотя бы историчность проблем философии; он будет разрабатывать аналитическую оптику — не допускающую делений и антиисторическую по формулировкам и выводам касаясь этих проблем. Тем не менее, хотя этот стиль принадлежит возможности философского Решения, или как раз потому, что он образует с ним одно, здесь несложно заметить запирательство, всё ещё философское, перед врожденной историчностью Решения. Перед нами слабое и недостаточное разрушение истории, подлежащее ре-интерпретации при помощи более мощного опыта Решения, которое представляет обычный «континентальный» стиль. Если мы действительно хотим исключить опосредование историей в изучении Решения — марксистской, археологической Истории, а также Истории у историков — то нужно попробовать приостановить само Решение, не прибегая к способам, которые оно, как может показаться, способно предоставить для этой операции.

Это означает, что наука, в своей наиболее специфичной установке (*posture*), будет *таким знанием о реальном, которое его не модифицирует*, и где наблюдатель сможет модифицировать объективный феномен, не изменяя реальное, подразумеваемое *в* и *благодаря* имманентности этой научной установки. Она не образует с реальным круг, как это делает философия, которая претендует не только быть знанием о реальном, но и его со-производством: это то, что справедливо зовется пред-метностью (*l'ob-jektivité*), которая есть смешение реального с объектом познания (всегда модифицируемым). Отсюда и отличие: философия это теория и практика пред-мета и пред-метности, у нее есть пред-меты, иначе говоря, она смешивает реальное с

пред-метом или с репрезентацией реального; у науки есть реальный «предмет», то есть она не имеет пред-метов в философском смысле; она поддерживает такое отношение с реальным, которое более не является опредмечиванием. Существует два разнородных способа феноменализации, которые философия — всегда унитарная — хочет смешать, в то время как наука стремится к автономии своего способа мыслить реальное и различие двух этих способов.

Чтобы обосновать не только простую возможность, но и реальность научной феноменализации реального, той, которую мы только предположили или затребовали, и чтобы таким способом отделить ее раз и навсегда от феноменализации философской, зададимся вопросом, располагаем ли мы — и в каком именно модусе — ее достаточным опытом, способным признать за наукой автономию ее мышления, и поэтому — что будет следствием этой дуальности — ее глубочайшей примитивности (*primitivité*), ее первенства по отношению к философскому Решению и его сущностным характеристикам (повторению, само-приостановке, войне и историчности).

Несомненно, было бы противоречием снова претендовать на доступ к сущности науки при помощи установок и техник философии. Это означает, что ни *редукция* (трансцендентальная), ни *опосредование*, ни *обоснование* аналитического и регрессивного типа, ни поиск базовых требований (*recherche des requisits ultimes*) и т. д. еще не являются эффективными и законными; как и эпистемологическая «рефлексия» над так называемыми научными «фактами», которые являются лишь артефактом (*artefact*) философской объективизации. В таком случае с помощью какой другой техники мы получим доступ к сущности науки? *Но это невозможно с помощью техники — которая всегда со-определяет свой пред-мет и со-производит его в философской манере, — ибо для того, чтобы в отношении реального занять установку, предельно общую для всех наук, никакая техника не нужна.* Техничко-экспериментальный инструментарий является средством, предназначенным науке как таковой, но это не сама ее сущность. Единственное, в чем

последняя заключается, это в позитивности, квази-«онтологической» устойчивости определенного реализма и определенной *наивной* уверенности, лишенной «решения». Конечно, речь не о локальных «объектах» и «репрезентациях», произведенных науками, но о том, что любая «научная» установка постулирует жестом, имманентным реальному, к которому она себя относит как таковая — о научной «интенции» и, если угодно, ее *трансцендентальных притязаниях*.

Философия будет искать и располагать науку всегда на слишком большом расстоянии: как окончание своей «рефлексии», как завершение своего «проекта» объективности, как итог «диалектики» — если обобщить, как результат трансцендирования, которое основывает все философские техники. В то же время именно трансцендирование исключается наукой, по крайней мере, из отношения (не-отношения), которое она в последней инстанции «поддерживает» с реальным. Отсюда ее наивность, ее нерефлексивность, ее реализм, ее «слепота», настолько невыносимые для философского о-пред-мечивания, что оно не прекращает их отрицать, редуцировать, фальсифицировать — это зовется «эпистемологией», это *эпистемо-логос* внутри любой эпистемологии.

Под реальным «не-отношением» как «не-отношением» к реальному (*«non-rapport» (au) reel*) мы имеем в виду, что существуют — как собственный критерий реальности и истинности, как трансцендентальный критерий — такие радикально и не-тетические имманентные данные, которые отвергают артефакт философской пред-метности. Наука — вот единственный способ мыслить не-позиционально и не-предметно, и именно за это философия отрицает её автономию, поскольку она жаждет эту не-позициональность, но не может ею овладеть. Не только кантианская или «неокантианская» идеалистическая эпистемология отрицает существование радикально имманентных данных или не-тетической феноменализации, чтобы противопоставить той *категориальную пред-метность*. В этом вообще состоит вся философия, которая, как Решение или Трансцен-

дирование, не может действительно достичь сущности науки и в ответ производит этот «реактивный» симптом, зовущийся «эпистемологией». Если программе строгой науки о философии суждено пройти через «разрушение» эпистемологии, то это потому, что традиционное общее отношение превосходства философии над наукой должно быть перевернуто, но не просто перевернуто, поскольку речь больше не может идти об отменяющем иерархию переворачивании и о переходе к анти-философскому «позитивизму». Чтобы собрать эти простые обозначения, скажем, что наука не получает свою сущность от философского Решения; она обладает независимой и специфической сущностью; последняя не дает себя мыслить ни как модус Бытия или аватар онтологического проекта, ни как исследование свойств сущего; что вообще ее не-отношение к реальному обходится без предметности философского типа и что наука не подпадает под законодательство онтологического Различия.

Положительное основание всех этих феноменов, основание, которое объясняет это реальное (не-)отношение к реальному как реальный трансцендентальный опыт реального у нас обозначено следующим термином: *Одно*. Основанием науки является не Бытие, а Одно, и оно подразумевает использование языка вообще и «категорий», которое совершенно отлично от использования «логоса» в философии как конституирующей или раскрывающей = реализующей реальное. Наука — это реальное не-тетическое отражение реального, которое не меняет реальное в его манифестации. В то время как наука меняет скорее порядок своих репрезентаций, нежели сам порядок реального, философия *pretendует* на то, чтобы менять одно вместе с другим. В этом заключается его трансцендентальная иллюзия.

6. Идея чистой науки о философии

Традиционная философская практика, с ее повторением и циркулярностью, конфликтностью и историчностью, стремле-

нием к присвоению и само-торможению, несомненно, всегда может быть продолжена: она сделана, чтобы продолжаться, она постулирует свою неограниченность или неопределенность. Всегда можно добавить «новую» систему; задействовать новую вариацию «ограниченных-инвариантов», которые составляют Решение; например, можно определить «новый» опыт Другого и, вместе с ним, новую форму античной метафизики, ее «логоцентричную» форму, нуждающуюся в «деконструкции», и т. д.; перейти к новым разрезам или разбивкам. Все это — операции Решения, включенные во власть-философствовать возможности, которые близки ему в той или иной степени. Остается даже возможным и дальше стремиться к Идеалу философии-как-строгой науки. Однако все это, все эти конфликтные и будоражающие начинания, ничего не меняют в философской Вере и в авторитете философской объективной Видимости. Это повторение лишь подтверждает сущность Видимости, разрушая лишь ее «низшие» формы, «трансцендентные», «стадные» (*gregaires*), «природные», «мирские» и т. д. Но важнее то, что это означает продлить, очистить, усилить спонтанность и насильственную неукротимость, которые свойственны Решению, пока оно предоставлено само себе. То, что мы называем наивной практикой философии, — это не простая возможность Решения, но сам способ его существования (конфликтность, историчность), и для прекращения этой практики не существует никакого основания ни в «истории», ни в «политике», ни в «философии».

Так и наша программа заключается не в том, чтобы *перестать* философствовать — однажды в философской жизни... — или *прервать* континуум философских Решений. Это было бы простым запирательством. Нет, она состоит в том, чтобы, отталкиваясь от науки, такой, какой мы ее определили, подвергнуть испытанию философское Решение и его власть над самим собой как уже — и действительно — приостановленные. Не его власть над Миром и действенностью (*l'effectivité*), где, определенным образом, на свой страх и риск, оно упорно борется за

то, чтобы насладиться своей совершенной достоверностью. Я же говорю о власти над наукой и реальным, к которому наука имеет доступ, а значит, *с этой точки зрения*, над строгим знанием, достижимым с помощью нее. Философская спонтанная Вера, ее унитарная-уверенность-в-себе-как-в-реальном, ее трансцендентальная Иллюзия и т. д., ничего из этого не разрушено, ни в смысле разрушения чего-то существующего, ни в смысле разрушения как воздействия на нечто; в этом смысле все сохранено — но как объект для изучения. С другой стороны, эта Вера разрушена или обездействована с трансцендентальной=имманентной=реальной точки зрения. С точки зрения реального=Единого, это отношение Решения как его отношение к самому себе или его циркуляция более не образуют само-отношение. Существует «дуальное» разграничение между объектом науки — философским Решением — и наукой об этом реальном объекте. Наука — это не сегмент или фрагмент его тела, не момент философского Решения. В Одном, т. е. в реальном и в науке, в которой оно дано примитивным образом, не сохранено ничего не только от Мира, но и от философии. Так получает обоснование реальность Науки о философии.

Если существует такая программа — что не точно, — то она заключалась бы в том, чтобы перейти от спонтанной и наивной практики философии к чистой науке о ней, к теоретическому рассмотрению Решения, получившему трансцендентальное обоснование в своей собственной реальности. Философы достаточно угнетали науку, ее «наивность», ее «технизм», ее «глухой» и «слепой» образ мышления, ее «оперативность-без-мысли». Между наукой, которая «грезит» (Платон), и наукой, которая «не мыслит» (Хайдеггер), имеется закольцевание (*boucle*), совпадающее с циклом Философии. И, быть может, у нас найдется время на то, чтобы указать современным представителям эпистемологии и «философии науки», что научное мышление состоятельно и обладает собственной спецификой, но что оно не сводится к мещанству (*philistinisme*) «научного факта»; что

наука мыслит, просто она мыслит не так, как философия, и что единственное, что наука объективизирует, — это репрезентации, а не реальное; во-вторых, что научная *наивность* более примитивная и более существенная, чем «вторая» наивность, относящаяся к философской практике, включая ее самые энергичные операции бдительной критики. Последняя есть остаточное явление и незнание или отрицание наивности, присущей научному знанию, как своего источника в последней инстанции.

Это не то же, что операция реторсии или переворачивания, как если бы мы «возвращали» философии аргумент наивности и спонтанности ее древней практики. Философия содержит форму наивности, которая определяет её «рефлексию» или её «критику» изначального опыта мысли — опыта науки как более глубокой наивности, нететически удостоверяющей (из) себя, более немой и немощной с точки зрения «логоса», но не искажающей (*falsifie*) себя, не отрицающей себя — столь сильно она укоренена в себе самой — как поступает философская наивность. Научная наивность единственная обладает прямоотой, в философии же она искажается, ее отделяют от себя самой или вырывают из ее трансцендентальной сущности. В таком случае философия превращает ее в дополнение к рефлексии — Трансцендированию вообще, — вместе с которой она приступает к составлению системы. Она рисует анти- или до-рефлексивный (антипредикативный и т. д.) образ или версию наивности, довольно грубую и нуждающуюся в исправлении. Так завершается ее операция по унитарному покорению науки.

Удастся ли нам соскочить с этой галлюцинаторной карусели? Сделать это могла бы наука о философском Решении.

In Defense of the Science of the Philosophical Solution

François Laruelle — Université Paris-Nanterre, Paris, France;
email: francois.laruelle@free.fr

Keywords: Philosophical Solution, non-philosophy, François Laruelle, Real, access problem

The article discusses the way philosophy tries to deal with science by co-opting it, designating it as its own completion and merging with the latter: the Philosophical Solution. By the Philosophical Decision, Laruelle understands some absolute constructive principle that remains unchanged in any of its (historical and quasi-transcendental modulations. Accordingly, Laruelle distinguishes four forms of philosophical practices, two of which betray the immanence of science to philosophy: these are (1) the reduction of philosophy to its history and (2) the critique of metaphysics in any of its variants (and its reduction, therefore, to positive — in the sense of validity — philosophy); and two other practices that assert vice versa the immanence of science to «philosophical solution»: 1) the unfolding of philosophical ideas through the limited input of scientific operations (mathematical, chemical, etc); 2) the supposition of science as the unfolding of a pure (but philosophical same) idea, an infinite telos. The proposal that Laruelle puts forward in spite of this unsatisfactory scheme is to suspend the smooth operation of such a solution. It is necessary, Laruelle argues, «to place philosophy in a school of science, <...> so that philosophy will let itself be thought through it» (without abandoning its legitimate desire to be a rigorous science). By «school of science»

is meant a way of dealing with the Real-One, where this latter is postulated axiomatically by science and does not require its justification by philosophy, while science itself can be conceived as allowing the Philosophical Solution as one of its objects. It is necessary to destroy, in Laruelle's thought, the recursiveness of the Philosophical Solution by suspending it — not by modeling a new solution, as happens in philosophical self-criticism — which is what the science of the Philosophical Solution is devoted to.